

КОВЧЕГ

XXI

АНАТОЛИЙ ПИСКУНОВ

Анатолий Пискунов

Ковчег XXI

«Э.РА»

2014

Пискунов А.

Ковчег XXI / А. Пискунов — «Э.РА», 2014

В настоящий сборник включены стихотворения, написанные, за редким исключением, в XXI веке. Часть из них публиковалась в двух вышедших ранее книжках автора: «И так недостижим горизонт» (2006 г.), «Весны сияющая бездна» (2012 г.), некоторые увидят свет впервые. Ряд произведений вошел в шорт-лист премии «Живая литература» в сезоне 2012–2013 гг. Участник шорт-листа премии «Живая литература», сезон 2011–2012, www.lname.ucoz.ru

© Пискунов А., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

ВОПРЕКИ И БЛАГОДАРЯ (вместо предисловия)	5
Книга судьбы. Стихи 2013 года	7
Маятник	7
В ожидании весны	8
Зимнее утро	9
Ночные страхи	10
Только на рассвете	11
Январь спешит	12
Гляжу в себя печально я	13
Тесей	14
В ресторанчике приморском	15
У скал и возле трепетной воды	16
Историк	17
Я два и два сложил	18
Книга судьбы	19
Свет вечерний. Стихи 2008–2012 годов	20
Снегопад	20
Поэзия	21
Свет вечерний	22
Перед весной	23
Отец	24
Ностальгия	25
Лежебока	26
Сад	27
Кораблик	28
Земля моя	29
Воробышек	30
Крымский дворик	31
Ковчег	32
Вот такое кино	33
Дом	34
В потемках	35
Время любви	36
Весенний дождь	37
Сирень цветет	38
Парад	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Пискунов

Ковчег XXI

ВОПРЕКИ И БЛАГОДАРЯ (вместо предисловия)

Стихам Анатолия Пискунова свойственна щемящая интонация, напоминающая рубцовско-есенинскую... Такие поэты приходят в момент активизации социальной тектоники, обострения хронических недугов общества, они появляются как народные целители. Когда официально предлагаемые лекарства бессильны помочь государственному организму, народ прибегает к проверенным средствам спасения. Одной из вековых панацей для нас является слово правды, направленное прямо в эпицентр боли.

Край ты мой, задешево распроданный
слугами народа и купечеством,
был уже и мачехой, и родиной.
Станешь ли еще кому Отечеством?

Со своей растерзанной страной я делю все беды и
невзгоды,
чувствуя затылком и спиной стылое дыхание свободы.

Есть у поэта стихи, цитировать которые фрагментами невозможно. Настолько в них сцеплено внутреннее содержание. Они, как правило, отличаются высоким качеством отделки и неподдельным чувством горечи за то, что случилось со всеми нами в теперь уже довольно отдаленное время. Стихов такого эмоционально-патриотического накала, как ДОНУЗААВ, посвященных бывшей средиземноморско-атлантической эскадре Черноморского флота СССР, в современной поэзии до Пискунова я не знаю.

Время беспутно, и спутаны карты. В памяти озера
поступь эскадры.
Блекнет, как лица на выцветшем фото, слава бывшая
бывалого флота.
Видят во снах океанские мили старые, ржавые, рыжие
цепи —
те, на которые флот посадили, чтоб охранял одичалые
степи.
Склянки не звякнут, сирены не рыкнут. Картой крапленую
лоция бита.
Цепи на солнце потерянно дрыхнут. База военная богом
забыта.
К Черному морю махнем дикарями. Клево в обнимку
лежать с якорями.
Солоновата слеза Донузлава. Слава эскадре!
Посмертная слава.

А возьмите его стихи о природе. Как же ощутима близость к линии Тютчева – Бунина в русской поэзии! И в то же время налицо самобытность автора.

В его мире трепещет, как живой, осенний куст, «битком набитый перелетной стаей». Здесь свет вечерний льется, «словно сонного колодца невесомая вода». Здесь клен, как человек, «мольбу возносит к небесам», и весенний день «рассыпал одуванчики, взорвал березовые почки», и трава «пропахла солнцем, вечностью и мятой», и «Путем пробежала Млечным вековая степная дрожь»...

Как чаще всего формируется поэт? Через общение с теми, кто терпеливо слушает его стихи.

Поэту нужно говорить с миром. Так, по ступенькам, ведущим вверх, и движется он сквозь падающие тернии своего начала к жестоким зарослям мастерства, где ждут его колючки и шипы проб и ошибок, насмешки и глумление невежд, зависть других начинающих... И не лавровый, а терновый венец ждет его, если он поэт.

Поэтическая судьба Анатолия Пискунова поразительна. В молодые годы мы были рядом, но я (тогда уже активно

пишущий) ни сном ни духом не знал, что мы с ним одного поля ягоды – оба точим перья.

И вдруг теперь он появился в пространстве русской поэзии как никому из признанных литераторов не известный автор. Как умудрился не засветиться, обладая таким талантом, и как достиг такого уровня в своем творческом подполье, неведомо никому.

Да, поэзия, если она есть, существует вопреки и благодаря тому, что ей противостоит... Жаль, конечно, что не всем удастся вкусить от ее величия хотя бы глоток самообольщения, но многим поистине замечательным мастерам приходится перебиваться суррогатами горького осознания, что ты и твое достояние никому не понадобились.

К счастью, Анатолию Пискунову повезло. Его творческий дар, скрываемый долгие годы под спудом, не задохнулся: не остался на уровне милого любительства, не выродился в глупую, а то и, чего хуже, агрессивную графоманию. Его открыли (сначала для себя!) люди сведущие, в том числе издатели, и не пожалели сил, чтобы поддержать мало кому известного поэта.

И еще. Необъятный Интернет дал этому имени такой простор для реализации, который снился, быть может, только самым облаканным судьбой стихотворцам бумажного века. Анатолия Пискунова сегодня знают десятки тысяч истинных ценителей поэзии, посещающих социальные сети. И число это растет.

Если же Интернет и в самом деле своеобразный филиал Ноосферы, где Провидение собирает все лучшие духовные достижения земной жизни, то нам, ценителям творчества Анатолия Пискунова, можно с облегчением и надеждой вздохнуть. Наши неведение, безучастие, невольное равнодушие будут прощены, хотя бы как не имеющие теперь никакого значения.

Валерий Митрохин

член Союза писателей России,

Крым

Книга судьбы. Стихи 2013 года

Маятник

Я лучусь, будто весть о победе;
как фанфары на солнце, горю.
Так сияние чищенной меди
возвещает успех и зарю.

А назавтра, в себе разуверясь,
немоту испытаю и страх,
и надежды истлеют, как ересь
на высоких и жадных кострах.

То забьюсь я в угрюмые щели,
то воспряну, победу трубя.
О, несносные эти качели —
от неверия к вере в себя!

Это счастье мне выпало снова,
это лихо лихое сполна —
объезжать непокорное слово,
удалого седлать скакуна.

Беспощадна сомнений отравы.
Но, не видя путей по прямой,
то налево качнется, то вправо
неприкаянный маятник мой.

В ожидании весны

Весна внезапно подступила, и мир опять сошел с ума.
Небесной синью ослепило снега, прохожих и дома.

Пытался мой корявый почерк отобразить молитву
крон,
переполох древесных почек и треволнения ворон.

И ничего не получалось, витали мысли, словно дым.
Натура точно насмехалась над упражнением моим.

Тогда я бросил это дело. Но лишь перо на грунт легло,
оно и трепетное тело, и тягу к небу обрело.
И встало, дрогнув, на крыло.

Зимнее утро

Ночь, охрипшая собака, звезды, холод и века,
дочь бессонницы и мрака – среднерусская тоска.

А наутро – тучи в клочья, скрипы дворницких лопат,
речь воронья да сорочья – нарочита, невпопад.

Из подъезда, дверью гулкой салютуя декабрю,
выбираюсь на прогулку и рассвет благодарю

за старательных таджиков, расчищающих Москву.
А еще за что, скажи-ка? – Да за то, что я живу

и донашивать ботинки, и протаптывать могу
первозданные тропинки в ослепительном снегу.

И за то, что, не дождавшись образумленной зари,
словно за ночь настрадавшись, угасают фонари.

Ночные страхи

Переулки глухи, гулки, тени гонятся за мной.
Что за глупые прогулки под недоброю луной?

Эй, спокойно, без истерик, и пугаться не спеши!
Впереди короткий скверик и, похоже, ни души.

Как же, будешь беззаботен, если возится в кустах
и глядит из подворотен распоясавшийся страх.

Все тревоги по дороге, если в окнах ни огня.
Перепуганные ноги отделились от меня,

и шаги все чаще, чаще, и все громче сердца стук...
Только светит шар молчащий, зацепившийся за сук.

Только на рассвете

Говорят, что только на рассвете
смерть и незаметна, и легка.
Широко забрасывает сети
в этот час недобрая рука.

Небосвод под утро пуст и бледен,
как бумаги девственный листок.
На слова беспомощные беден
заревом не тронутый восток.

Лишь на миг забудутся сиделки,
от ночных забот едва дыша,
тут же вдоль обоев и побелки
проскользнет незримая душа.

Не смущая жалобами близких
и пока восток едва белес,
невзначай уходит, по-английски,
под покров надгробий и берез.

... Долго наблюдал я, как светало.
Разливалось утро, как река.
Только что-то вдруг затрепетало
и, как моль, коснулось потолка.

Январь спешит

Январь спешит. Мы им не дорожим, он бесится, он этим нас изводит,
и вьюгою пугает, и уходит. И зол, и потому неудержим.
Его дыханье чувствую во сне, неслыханно тяжел ледовый панцирь.
И ветки под окном трещат, как пальцы, ломаясь в неуступчивой возне.
От царства отрекается январь, не видя в нас почтения и страха.
Снега на нем как шапка Мономаха. Сияет сквозь метелицу фонарь.

Гляжу в себя печально я

Гляжу в себя печально я, дыханье затая:
живет во мне песчаная случайная змея.

Не видывал такого я, не чуял и во сне, —
слепая, бестолковая, очковая во мне.

И на свету сознания, и в омуте забот
коварное создание обиды стережет.

Покусывая, мучая, ты душу холоди,
змея моя гремучая, лежащая в груди!

Скажу кому угодно я, прочувствовав нутром:
ты в сказке подколотная, на деле – под ребром.

Тесей

Боги ли шепнули мне: «Беги!», я ль решил, что сделать это
вправе...

Долог путь к известности и славе – коротки к бесславию
шаги.

Уходя, тебя на берегу спящей, беззащитною оставлю.

И хотя еще себя прославлю, оправдаться так и не смогу.

Образ твой сумею сохранить – сгубленной запомню,
неповинной.

Свяжет нас незримой пуповиной та твоя спасительная нить.

Оттого что стихнут голоса или пустота возникнет рядом,

ты очнешься и тревожно взглядом черные догонишь
паруса.

Потрясенно выдохнешь: злодей, раненой волчицею
завоешь.

Быть неблагодарными всего лишь качество врожденное
людей.

Все как есть покажется игрой, выдумкой никчемной и
нескладной.

То, как поступлю я с Ариадной, эллины простят, ведь я
герой.

В ресторанчике приморском

В ресторанчике приморском, на терраске,
где прохладно ближе к вечеру и сыро,
пивом пенным я смывал дневные дрязги,
пыль дорожную и все обиды мира.

Я проматывал открыто, без утайки,
состояние души пивным бокалом.
И глядел, как непоседливые чайки
режут небо по немислимым лекалам.

Над акациями ветер поднимался
и сгущалось и темнело голубое...
И все лучше, все яснее понимался
ровный говор черноморского прибоя.

У скал и возле трепетной воды

У скал и возле трепетной воды,
на улице, причале и перроне,
в Беяеве, Женеве и Вероне
искал я затаенные следы.

Атланты с экскурсантами глазели на
то, как я, невежа и плебей,
в Москве, Афинах, Вене и Марселе
распугивал вальяжных голубей.

В степи, что нянчит спеющие злаки,
в угрюмых, цепенеющих горах,
осиливая время, лень и страх,
отыскивал я спрятанные знаки.

Нашел. Но никому не говорю,
что выронил находку из перчаток —
души неугасимый отпечаток,
похожий на пропавшую зарю.

Историк

Прошлое, как сено, вороша:
летописи, были, кривотолки, —
суетная мается душа
в поисках мифической иголки.

Умная, пытливая рука,
истины отыскивая крохи,
каменные щупает века,
бронзовые трогает эпохи.

Молью лет изъедены меха,
с надписей слетела позолота.
В ноздри набивается труха,
душат испарения болота.

Но историк, тужась и ворча,
знай полощет камушки в корыте,
и душа трепещет, как свеча,
на ветру сомнений и открытий.

Я два и два сложил

Я два и два сложил, я их связал
и стопку бросил в угол по привычке.
Душа теперь похожа на вокзал,
куда не ходят даже электрички.

Тут залы ожидания в пыли,
а живопись на стенах коридора
причудливей фантазии Дали,
разнузданнее кисти Сальвадора.

Умолкла безалаберная речь,
ушла она с букетами, вещами.
Ни сладкого тепла счастливых встреч,
ни слез тебе, ни трепета прощаний.

Ослеп, оглох и онемел перрон,
и рельсы обленившиеся ржавы.
И сумрачно, как после похорон
судьбы, любви, надежды и державы.

Книга судьбы

В книге судьбы не найти оглавления,
не разобрать ненаписанных строк.
Шумно страницы листает волнение, только никак не найдет
эпилог.

То ли с надеждою, то ли с тревогою,
сутки за сутками, лист за листом,
ищет измученно зрение строгое,
чем и когда завершается том.

Все, что начертано, не исполняется, —
ереси планов и лесть ворожбы...
Время подходит и тихо склоняется
над незаконченной книгой судьбы.

Свет вечерний. Стихи 2008–2012 годов

Снегопад

Срывался – и переставал, но это не каприз.
Не плутовал, не бастовал: набрасывал эскиз.

Он был как будто не готов к искусству января.
Тянулся нехотя на зов слепого фонаря.
Лениво поверху скользил. И все-таки к утру
созрел – и миф изобразил резьбой по серебру.

Березы в ряд, узор оград, газоны вдоль дорог.
И город стал, как на парад, величествен и строг.

А снег бестрепетно глядел на почести ему.
Как будто разом охладел к успеху своему.

Поэзия

Январь с его недобрыми богами оконная оплакивала
створка.

Пока богему нежили Багамы, поэты прозябали
на задворках.

Не надписи на банковском билете, не ласки куршавельских
содержанок, —

поэтов порождает лихолетье и приступы обиды
за державу.

Поэзия Сибирью прирастает и Старым укрепляется
Осколом.

На холоде тягучая, густая, не колой запивается – рассолом.

Поэзия продукция изгнаний, напитков алкогольных и
солений...

Собою пересчитываю грани, углы тугие с иглами
Вселенной.

Свистят пурги распущенные плети,

звенят мороза бронзовые розги.

Заходятся немеряно в поэте заплаканные дети и подростки.

На небосводе строки многоточий. Уставилась галактика
недобро.

Душа моя стихами кровоточит, и ноют
переломанные ребра.

Трещит зима в березовых суставах. Крещенская карга
царит на свете.

Поэт озяб? Его согреет слава. Лавровым одеялом.

После смерти.

Свет вечерний

Свет вечерний мягко льется безо всякого труда,
словно сонного колодца невесомая вода.

Есть часы такие в сутках: видно все издалека.
Снег поскрипывает чутко под нажимом каблука.

Гаснет зарево заката. Не светло и не темно.
– Было так уже когда-то? – Верно, было. Но давно.

Короба пятиэтажек. Так же сыпался снежок.
И девичий точно так же торопился сапожок.

Я такими вечерами с восходящею луной
шлялся, юный, кучерявый, и влюблялся в шар земной.

Но теперь-то – год от году – затруднительней идти.
Не дает прибавить ходу сердце, сдавшее в пути.

Только свет маняще льется сквозь года и холода,
как былинного колодца животворная вода.

Перед весной

Хватит нам о пасмурном, о грустном. От окна повеяло свежо.

То ли тополек суставом хрустнул, то ли хрупнул утренний снежок.

Затаился март уже вблизи, но чертит зиму чуткое перо: скользкую дорогу к магазину и каток ледовый до метро.

Праведно и тихо, словно в храме. Клен мольбу возносит к небесам.

Вот и весь пейзаж в оконной раме. Остальное выдумаешь сам.

Отец

Где же, где, в какой такой стране
дом ночной похож на теплый кокон?
Дальний свет скользнул по стеклам окон —
и поплыли тени по стене.

Сколько лет летела световых
трепетная весть от фар заблудших?
Тьма звезду преобразует в лучик,
тонкий луч надежды для живых.

Кто этот задумчивый юнец?
Чьи черты сквозь годы проступили,
через родовые кольца пыли?
Я ли это? Дед ли мой? Отец!..

Ностальгия

Смеркается рано, и комнаты в сумраке тонут.
И дремлетя дому, волною накрытому сонной.
Вот я на кургане, что плугом еще не затронут.
По степи несомый, от облака след невесомый.

Желанье простое: еще постоять наверху бы —
детали любые, подробности лета замечу.
Пусть маки раскроют по-девичьи влажные губы
тому, что забыли, – горячему ветру навстречу.

О, сон, эта небыль, где мы начинаемся сами,
где родины небо не может не быть небесами,
где детские руки ласкают лукавые маки.
Где тело гадюки мгновенно готово к атаке.

Лежебока

Лежу себе я на диванчике, не замечаю с этой точки,
что день рассыпал одуванчики, взорвал березовые почки.

Я пребываю в неизвестности в своей прокуренной каморке
о том, что солнце в нашей местности насквозь прожарило
пригорки.

Прошита стрелами калеными, зима кончается в овраге.
И, торжествуя, липы с кленами салатные взметнули флаги.

А я по-прежнему в затворниках и не пойму в своих пенатах,
откуда столько рвенья в дворниках и страсти в голосе
пернатых.

Сад

В ночи пахнёт угаданно давнишним, и память поведет
упрямо вспять.
О, было время яблоням и вишням объятья лепестками
осыпать!
И сладко так, и славно так дышалось в охваченном
восторгами саду.
Не зря порой охватывает жалость: ни сада, ни себя в нем
не найду.
Что ж, так вот и состарюсь я, жалея о том, что не вернуть
весну мне ту,
когда качнулись ветки, тяжелея в сияющем, как облако,
цвету?
И лишь во сне, в беспомытстве, в ночи
цветут сады Курмана-Кемельчи¹.

¹ Курман-Кемельчи – крымско-татарское название села.

Кораблик

Проснись этим утром воскресным, излюбленным
у детворы,
и делом займись интересным, занятней азартной игры.
Возьми стапеля табуретки в прокуренной кухне моей.
Построй катерок из газетки, грозу записную морей.

Беги за пределы квартиры к аллее, где лужи свежи.
Брутально, как все командиры, швартовы отдать прикажи.
Пуускай неустанно несется по воле раскованных вод,
купается в заводи солнца безмачтовый твой пароход.

Бесхитростный детский кораблик, неужто ты все еще цел?
Истории грозные грабли не взяли тебя на прицел?
Все глубже вода, холоднее. Газетная сникла труба.
И ветры гуляют над нею, и строгая смотрит судьба.

Но славен поход каботажный. Матросы чисты и честны.
И тонет кораблик бумажный в искрящейся бездне весны.

Земля моя

Земля моя, не признанная раем,
за грядками лежала, за сараем.
К известным не причислена красотам,
оперена непуганым осотом.

И все-таки она была в порядке.
Ветра в бурьяне затевали прятки.
Трава казалась пятками примятой.
Пропахла солнцем, вечностью и мятой.

Воробышек

Воробышек ворочается в луже,
взъерошенный и никому не нужный.

Забыв, что бытие угрюмо, бренно,
барахтается в ней самозабвенно.

К чему ему, негоднику, догадки
об острых коготках или рогатке.

Малы и клюв, и помыслы, но ишь как
стучит миниатюрное сердчишко!

Пернатый забияка и кутила,
он, огненную лужицей дразним,
расталкивает сонное светило
и силой детской меряется с ним.

Крымский дворик

Во дворе земли клочок, не угодя – цветничок.
За подобием оградки влаги жаждущие грядки,
детский мячик и волчок.

Это что за следопыт ходит по двору, пыхтит?
Под стрехой гнездо касатки. Молочай попался сладкий.
Вечер окна золотит.

От крылечка до калитки влажный, липкий след улитки.
Материнские улыбки затеваются в окне...
Неужели это мне?

Ковчег

Небо роняет зарницы в осклизлую кадку.
Звяканье капель как цокот ночной каблука.
Время течет, подмывая замшелую кладку,
струи свиваются в месяцы, годы, века.

Вечность шуршит по кустам, неудобьям и тропам,
нас обступает, как ливень, белесой стеной.
Пахнет историей, сыростью, мхами, потопом,
и набирает команду насупленный Ной.

Он из себя-то спасителя, знаю, не корчит
и не потребует почестей, званий, наград.
На> борт ковчега безвестный поднимется кормчий —
тот, что в бессмертье сойдет на горе Арарат.

Вот такое кино

Вот такое кино: я давно уж москвич москвичом.
И созвездий рядно над моим не пылится плечом.

Осиянно везде. Словно черпали свет решетом.
Только места звезде нету в небе моем обжитом.

Я живу втихаря и не зря ото всех утаив
канитель фонаря и ночной Каламитский залив.

Полуночницы смех. И напрягшихся звезд имена.
И дорожку – из тех, что, вздыхая, стелила луна.

Потому я и жив, что в себе я храню до сих пор
и прибоя мотив, и плывущий по небу собор.

Маету маяка. И его будоражащий свет.
Через годы, века. Через тысячу прожитых лет.

Дом

Поразвеяло нас по большим городам.
Опустели давно родовые дворы.
Но влеченье туда, к облакам и прудам,
объявляется все же с недавней поры.

Как я ждал, как свидание то предвкушал,
как себя за разлуку привык я корить...
Этот сад оскудел, этот дом обветшал,
покосился забор – и ворот не открыть.

Нет ни матери тут, ни родного отца.
Паутина в окне, в огороде осот.
И никто никого не окликнет с крыльца,
и заветную почту никто не несет.

Эти двери ничьих не дождутся внучат.
В одичалом саду топоры застучат.
Соловьи замолчат, ощущая нутром:
отчужденный, надменный возвысится дом.

В потемках

Долетело, дошло сказанье, дотянулось из уст в уста.
Породило его касанье перекличку воды, куста.

И по легкой его походке, по движению облаков
мне почудилось: одногодки – я и чуткая тьма веков.

Я себе показался вечным, как река, и луна, и рожь.
И Путем пробежала Млечным вековая степная дрожь.

То ли птица страдала где-то, понарошку или скорбя.
То ль поскрипывала планета, обращаясь вокруг себя.

Время любви

Выпадет каждому время негромких речей,
ладно журчат они, словно тихоня ручей.

Так вот воркуют безумные голуби между собой
или толкует о чем-то песчаному пляжу прибой.

Мягкое ластится слово, как беличий мех,
медленными поцелуями давится смех.

Это мгновение вдоха и страсти становится вдруг
целой эпохой коротких свиданий и долгих разлук.
Эрой-изгоем с клюкой и холщовой сумой.
И ледниковой окрестностью жизни самой.

Весенний дождь

Весенний дождь не морок вам осенний, тоску и скуку
сеющий с утра.

Ликует май – счастливая пора коротких гроз и сладких
потрясений.

Насупит брови небо грозное – ни ночи в нем не выискать,
ни дня.

Но вдруг живое все и неживое, зажмурившись, отпрянет
от огня.

И тут с небес обрушится, непрошен, потоп, – не укротит его
никто.

Просыплется немеряно горошин сквозь частое, густое
решето.

Еще веселый плут по луже лупит и лопаются шумно
пузыри,

но гром уймется, нехотя отступит и запад распахнет для
зари.

И зрением, и слухом, и нутром улавливаю вечности
движенье.

Весна ведет огонь на поражение, и вздрагивает эхо
под ребром.

Сирень цветет

Весны и лунной одури слияние. Как будто кровь отхлынет
от лица,
сойдет с небес лиловое сияние на ветки, наши веки и
сердца.
Не легок на подъем теперь, с годами я
(налог на прегрешения таков).
Но вновь затеет май свои гадания сиреневою массой
лепестков.
Не все приметы верные сбываются: ромашки лгут и
тешится таро.
Но куст зацвел – дыхание сбивается, проснулся бес
и просится в ребро.

Парад

Гремит оркестр, и май проходит маршем, как эти кучевые

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.